

Герои Плоднардовой
долины

Александра Д. Фрэнко

Александра Франко

Герои Плоднардовой Долины

<https://litres.ru/74303192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Плоднардовая долина в упадке. Потомственных охотников рождается всё меньше, и Ревущие уверенно отвоёвывают территории Плоднарда. На что готовы пойти трое охотников, в попытке спасти свой мир?

Содержание

Глава 1. Плоднородная долина, затишье	4
Глава 2. Кошмары	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Д. Франко

Герои Плоднардовой Долины

Глава 1. Плоднардовая долина, затишье

Нынешняя зима выдалась тяжёлой. Холодной и поганой, честно говоря. Сильный ветер, туман, стелющийся пеленой, нескончающийся зелёный дождь; всё это уменьшало количество пропитания для племени.

Кострище вот-вот обещало потухнуть: навес над ним из старой кое-где дырявой туши Ревущего едва спасал от зелёного обжигающего дождя. В последние три оборота Луны он никак не прекращался.

Кротоплесь* уныло крутился на металлическом вертеле. Язычки пламени еле доставали до грубой кожи кротовой плесени.

Аникарса подкидывала в огонь иссохшие руки деревьев. Ивловые сосны каждые пять оборотов Солнца скидывали свои отростки коры, похожие на маленькие детские ручки.

Они отлично подходили для растопки огня.

Но из-за зелёного дождя деревья изрядно пострадали, ушли в спячку и спрятали свои ручки. В племени до сих пор ведутся споры: покажут ли когда-нибудь Ивлы урожай. Пессимистично настроенные плоднардовцы заявляли, что Ивлы очень нежные, чуткие существа и больше не покажут руки на враждебной территории. А Плоднардовая долина такой и стала. Некогда дышащая, плодовая она зачахла, казалось бы, в одночасье скукожилась и засохла, словно старуха. Будто бы показывая всей своей сущностью нежелание видеть на себе плоднардовцев.

Что же на счёт более оптимистичных жителей долины? Если такие вообще найдутся. Но всё же в некоторых сердцах теплилась надежда, что Ивлы восстановят свои корни, израненные зелёным дождем и тогда ручки, что потянутся к Луне, не заставят себя ждать. И когда-нибудь Сониды вернётся на небо к своей сестре Лусонсе, позволяя Плоднарду расцветать под розовым небом. Ивлы так хорошо растущие на Луну, под Солнцем наконец начнут скидывать свои ручки.

Аникарса не хотела размышлять о том, чему, скорее всего, не суждено сбыться: Сониды давно исчезла с неба, а без неё народ Плоднарда начал задыхаться. Лусонса в одиночку не справлялась и с каждым своим оборотом лишь увядала. Отмахнувшись от невесёлых мыслей, Ан убрала мешавшие от лица волосы, собранные в косу. Устало взяла палку, аккуратно попыталась проткнуть кожу Кротоплесени. Твёрдая,

как камень.

Ани посмотрела вверх, на бледно-зелёное грязное и серое схожий на Ивловый гниющий мох, небо. Оно так давно не показывало розовых оттенков. Дети Плоднарда, что были младше пяти оборотов Луны, не видели розового неба, а лишь слышали это от стариков. Но сложно верить в то, чего своими собственными глазами увидеть не удалось. Они только пытались представить какое же оно. Подбегали к розовому с ядерно-красными точками Мухокору, интересовались: «А небо раньше вот такое было? Или ярче?!»

А плоднардовцы, бывшие немного старше усмехались, рассказывая: «С неба так сильно падал розовый свет и некоторые жители обретали пурпурный оттенок кожи. Они словно светились изнутри! И прикосновением могли излечивать раны». Что было правдой лишь отчасти. На деле, розовокожие плоднардовцы жили очень давно, когда еще Сонида не исчезла с неба и одаривала всех жителей своим розовым светом.

Аникарса хмыкнула еле слышно, попутно пытаясь усилить огонь. Она в это не верила. Слишком уж похоже на детские сказки про всемогущих розоволицых плоднардовцев. Эдакие герои, которых, возможно, никогда и не существовало.

Капля зелёного дождя резко упала на тыльную сторону ладони, она зашипела больше не от боли, а скорее от неожиданности. Глянула на ладонь: маленький зелёновато-чёрный

камешек медленно прожигал слои кожи, намереваясь там и остаться. Она мысленно побранила себя за то, что именно сегодня не надела нарукавники, а перчатки и вовсе сняла, забыв о безопасности. В последнее время стала совсем рассеянной.

Зелёные камни дождя врастали под кожу, используя организм, как место для размножения. Омерзительное дело, подумала Ани. Быстро смахнула мерцающий камешек. Он успел опалить кончики пальцев, но давно загрубевшая кожа не отзывалась болью. Как ни странно, но зелёный дождь не вредил чему-то неживому: упав на старую шерсть Ревущего, камешек тут же переставал светиться, чернел и рассыпался в пепел.

Аникарса надела перчатки, и мимоходом подумала, что вообще зря их сняла — шрамов от камней на руках итак было не счесть. Заодно накинула и капюшон. Рыжая длинная коса упала на плечо, кончик волос почти дотрагивался до слабеньких языков уставшего пламени. Скинув капю*, Ан спрятала косу обратно. Иногда так хочется их отрезать, но скорее всего они не разрешат. Волосы очень дорогие нынче.

Даже за мелкий обрезок размером в одну кУрчу* можно закупить несколько мелких Кротоплесеней, Ивловых ручек и даже Маринековых рачков*.

— Эта дрянь когда-нибудь приготовится? — Налуверте подошла к кострищу совсем беззвучно, как подобает настоящей охотнице. Ей не терпелось наконец убить голод.

— Ещё немного, — Ан неожиданно вырвали из размышлений.

Она заметила, что на сгибе локтя у Налуве появился камешек, уже почти заросший кожей, а на ладони — глубокая рваная рана, наспех замотанная грязной тряпкой.

— Совсем о себе не заботишься, — недовольно сказала Аникарса, — камень придётся вырезать, ты же не хочешь стать убежищем для этой гадости.

— Во мне так много всякой гадости, что меньшее зло — камни, — Налуверта устало облокотилась о пустые бочки, которые, казалось, уже приросли к земле, — долина умирает, а мы вместе с ней.

Ани встрепелась, как от долгого сна. Вот так напрямую никто не говорил о проблеме. Аникарса тоже не думала слишком осознанно. Старалась не задумываться. Выплюнуть слова, дрожащим голосом произнести вслух: «долина умирает, а мы вместе с ней». Придавать этому осязаемость. Словно божество даёт существу тело, в котором оно будет жить. Молчать. Закрывать глаза ладонями, игнорировать проблему, как маленький ребенок надеяться, что когда не видишь ты, то не видно и тебя.

А вот Налуве говорила честно, не боясь слов, смотрела прямо на проблему, даже если она была в разы больше неё самой.

— Всё так плохо? — пожалуйста, скажи нет, мы справимся, выкарабкаемся, Сонида снова вернётся на небо, прошу,

думала Ани, готовая прямо сейчас упасть на колени и умолять сказать хоть что-то воодушевляющее.

— Плохо, — вообще без эмоций, будто собирала в лесу Маринековых рачков и случайно одного раздавила, и то в этой ситуации выражения в голосе бы прибавилось.

— Налу? — Аникарса нашла силы посмотреть собеседнице в глаза, и, наверное, сделала это зря. Она не двигаясь, остановила взор на холодной земле. Взгляд выражал тихую безнадежность, смешанную с бессильной злобой.

— Аника, Ревущие вернулись, а охотников рождается всё меньше и твоя рана, — она подошла к Ани, едва дотронулась до её грудной клетки, где под слоем одежды прятался шрам. Через слои ткани почувствовалось тепло ладони.

Аника отошла, прерывая прикосновение, аккуратно накрыла старой закоптившейся тканью кострище, сняла Кро-топлесня с вертела, положила на поднос. Руки предательски дрожали. Наконец зелёный дождь закончился, небо посинело. Стало смеркаться.

— Позови всех к столу, — Ани говорила тихо, чтобы Налу не услышала содрогание в голосе.

— Кошмары всё ещё снятся? — похоже, что у Налуверты не было запретных тем, — шрам кровоточит?

— Перестань! Я не хочу говорить об этом, — Аникарса только на последнем слове осознала, что почти сорвалась на крик.

Налуве резко схватила Ани за предплечья, встряхнула и

глянула той в глаза.

— Сколько можно бегать, Ан? Очнись, ты так себя только глубже закапываешь, когда-нибудь это доведет тебя окончательно, и ты опять...

Ани встряхнула плечи от удерживающих рук, и звонко ударила Налуве по щеке, её голова дёрнулась. Несколько тёмных прядей отросшей чёлки выбились из косы, упав на глаза.

— Замолчи, замолчи, замолчи, — Аника старалась злиться, чтобы не зарыдать, — не говори так, словно ты всё знаешь!

— Ан? — Ута подошёл неожиданно, остановился поодаль, кинул старое с проржавевшей рукоятью копье возле хижины.

— Аникари, ты знаешь, я хочу только, чтобы ты была в порядке, — Налуве медленно развела руки в стороны в знак примирения, немного их приподняв.

Налу заметила Утатитоша раньше, тут же скривилась, нахмурила брови, и без того угрюмое лицо стало темнее тучи.

— Нал, привет, — Ута медленно подошёл к бочкам, — хорошо выглядишь для пьяницы.

— А у тебя, наверное, слишком много зубов, раз ты так разговариваешь, — впервые за долгое время Налу улыбнулась. Зловеще, и скорее предупреждающе, чем доброжелательно.

Ани подошла к Утатитошу, смазанно обняла его, и резко

направилась к столу, готовить Кротоплесень к поеданию.

— Ты гнилой человек, Ута, — рассеянно прошептала Налуве, задумчиво потирая пострадавшую щёку.

— Не больше твоего, — он смотрел на Аникарсу, разрезающую пищу на аккуратные кусочки, повернулся к собеседнице, — ты подвела Ани, и именно поэтому после того, что случилось была с ней, так?

— Это не правда, — лицо Налуверты побледнело, — ты знал, что Ан может быть в опасности, и посмотри что теперь с ней! У неё отняли часть сердца! И это всё ради тридцати кротоплесней? В тот момент мы все должны были находиться на посту, тебя там не было, — последние слова она выплюнула с особой желчью и твердостью в голосе.

— Ты несёшь какой-то бред, — Ута выглядел непробиваемо, — как я мог предвидеть такое, на посту находилась ты. Но...

Налу уже не слушала, она смотрела на Анику, направляющуюся к хижине. В душе стало тепло. словно девушка заменяла солнце. Вдруг тепло сменилось на холод и страх, Ани в опасности, подсказывало сердце. Такое не должно повториться вновь...

— Я знаю, что ты что-то скрываешь, и как только я узнаю что, я открою ей глаза, и она всё поймет, — бросила Налуверта и пошла прочь вглубь к хижинам.

Утатитош сжал зубы, и схватился за рукоять ножа, спрятанного в поясе штанов. «Не позволю».

Примечания: Кротоплесь/кротовая плесень - животное, на которое ведётся охота в Плоднарде. Употребляется в пищу. Маринековые рачки - существа, похожие на грибы, так же употребляются в пищу. Растут поблизости с Ивловыми соснами. Капю - капюшон, состоящий из трёх частей: накидка треугольной формы на голову, маска для лица и шарф. Курча - денежная валюта в Плоднарде.

Глава 2. Кошмары

Темно. Темно и холодно. Только вот холод шёл изнутри. Хруст снега. Звон в ушах, оглушающий, заставляющий терять остатки рассудка. Глаза открыты, но всё ещё очень темно. В руке меч. Он такой тяжёлый. Убийственная слабость не давала сосредоточиться на мыслях. Ревущие, наверное, уже близко. Нужно подняться, но такая слабость... В руках, в ногах, внутри...

Меч выскользнул, пальцы не смогли сжать рукоять. На ладони что-то липкое и тёплое. Неужели кровь?..

Вдруг резко из ниоткуда пролетела огромная смазанная тень. Реакция заторможена, тело отказывалось слушаться. Взгляд зацепил лишь отблески чужого меча, что отчаянно сражался с Ревущим. Чёрные, глубокие глаза твари появились напротив. Так близко. Опасно, опасно, кричал разум. Но тело всё так же оставалось неподатливым. Очи Ревущего излучали насмешку, ведь победить потомственную охотницу не каждому Ревущему под силу.

В поле зрения появилась костлявая рука, держащая часть сердца. Тело отозвалось режущей, обезоруживающей болью. Крик вырвался сам по себе, неконтролируемый, отчаянный, побеждённый. Отточенные, длинные, как лезвия зубы показались в отвратительном оскале монстра.

«Твоё сердце теперь моё...», — прорычало существо,

сжимая в костлявых лапах кровоточащий кусок сердца, и засмеялось. Искренне громко, уничтожающе.

«Нет!» — глаза распахнулись резко, темнота исчезла, перед взором нарисовался кое-где подгнивший потолок хижины. Аника посмотрела на свои руки. Ничего, кроме заживших шрамов.

Чёртовы кошмары.

В хижине стоял аромат хвои и плесени. Кончики пальцев чуть замёрзли, печь слабо обогревала углы помещения. Под входной дверью валялась стоптанная старая туша давно убитого Ревущего, лежавшая, как защита от холода. Половицы устелены расписными, потерявшими свой прежний блеск коврами.

Аника глянула в мелкое, стеклянное окошко, небо необычно озаряло долину холодным бежево-серым светом.

Кошмары всё никак не давали покоя: почти каждый раз, как она засыпала, в сны врывались Ревущие. Точнее, один и тот же. Тот, что отнял часть её сердца. Он скалился, выдавая искажённую гримасу, сжимал в своих ненавистных руках кровавую внутренность, нашёптывал что-то.

Аникарса надеялась, что после того, как она оправится, кошмары уйдут, но ничего не менялось. Они преследовали, донимали, не давали забыть о том, что её победили, она оказалась слабой, неподготовленной к настоящей битве. Эти мысли поглощали свет, кидали в пучину самобичевания, забирая уверенность в своих силах.

Налу и Ута уверяли, что нужно отомстить, вернуться к своей стезе жизни — охоте на Ревущих. Но на Анику эти предложения навевали лишь злость. Злость от того, что она слишком хорошо помнила своё поражение, свою беспомощность, взгляд Ревущего, вырвавшего сердце и страх впере­мешку со стыдом перед народом Плоднарда, который молился на потомственную охотницу.

Аникарса накинула куртку на плечи, взяла с собой перчатки, вышла на свет. Непривычная ясность неба озаряла равнину. На земле виднелись следы от зелёного дождя, ветер катал пепел, изредка поднимал его в воздух, создавая еле заметный туман.

Аника подошла к уже давно потухшему кострищу. Поодаль, около верстака стоял Ута. Он точил меч. Потомственный охотник, некогда бывший Карателем, его учили ремеслу охоты с самого детства. Заносчивость и горделивость не мешали ему оставаться одним из лучших среди Плоднардовой долины. Для Ани же он оставался загадкой. Скрытный, чаще всего молчаливый, с холодным взглядом и непоколебимой уверенностью в своём мастерстве. За всем этим скрывался какой-то еле заметный надлом... Который впрочем Ута умело прятал.

— Можно сказать, что мне сегодня повезло, — начал он, как только почувствовал подошедшую Анику, — это сегодняшние.

И кивнул в сторону кострища. Около него валялись туши

мёртвых Ревущих. Их тела отлично подходили для тёплых одежд и отпугивания других монстров. Ревущие чувствовали, что плоднародовец одет в меха их мёртвого собрата и дабы не повторять участь пущенного на одежду, уходили.

— С каждым разом всё лучше и лучше, да? — решила поддержать его победу Ани.

Ута глянул на неё, не отвлекаясь от своего занятия. Его лицо выразило нечто похожее на неприязнь, но Аникарса уже привыкла, что у него почти на всё именно такая реакция.

Налу медленно шла к ним, попивая из чаши что-то, скорее всего, алкогольное.

— И тебе было бы неплохо сходить на охоту, — он отложил до блеска начищенный, идеально заточенный меч, — ты только упиваешься жалостью к себе.

Аника не понимала специально ли Утатитош говорил такие слова, или и впрямь не мог почувствовать как ранит её.

— Я не собираюсь возвращаться к этому... — хотела было она начать объяснять, но Ута прервал.

— Да плевать, что ты собираешься! Неужели ты не видишь, они стали беспощадными как никогда! — он стремительно подошёл к мёртвому Ревущему и поднял его тушу вверх, — это молодая особь отшвырнула меня, как пёрышко!

Ута брезгливо откинул тушу, вернулся к верстаку. Теперь Ани заметила его ладонь, перевязанную тканью, что уже пропиталась кровью.

Налуве подобрела к кострищу, едва качнувшись в сторо-

ну, словно подгоняемая ветром, а не горячительным напитком. Сложила руки на груди, предварительно осушив чашу до дна. Ани заметила на её руке белевшие чистые бинты. Они скрывали шрамы и зажившие следы от зелёного дождя.

— Может быть, ты просто не так хорош в охоте, как тебе кажется, охотник, — Налу произнесла последнее слово с нескрываемой брезгливостью и насмешкой, даже не посмотрев в сторону убитых им Ревущих. Чашу она брезгливо откинула в сторону. Посудина глухо ударилась о землю, покатилась вниз, остановил её ботинок Утатитоша.

Ута состроил гримасу, показывающую что-то среднее между отвращением и жалостью к собеседнице. Он посмотрел на валяющуюся опустошенную чашу, сжал раненую руку, скривился от боли. Рана не столько смертельна, сколько унижающая его — одного из лучших охотников.

Аникарса только нахмурилась. Глянула на уже выпившую охотницу и нервно сжимающего кулаки Утатитоша. Как только эти двое приближались друг к другу, словесную перепалку было не остановить. Ещё немного и они были бы готовы схватиться за мечи, забывая о необходимости сражаться в команде, а не против друг друга.

— Налуве, — Ани подошла к бочкам, попутно запахивая куртку. Становилось морознее, — думаю, я вчера погорячилась, я не хотела сделать тебе больно...

Она чувствовала вину за вчерашние эмоции, вышедшие из-под контроля, к тому же хотелось прервать обыденно бес-

смысленную ругань Уты и Налуве. Охотник был подавлен как никогда, даже не огрызнулся в ответ на едкие слова Налуверты: лишь хмурился, озадаченно разглядывал полученную рану, изредка встряхивая головой, словно пытался отогнать от себя безрадостные мысли.

Налу тут же смутилась, заметив в каком настрое находился охотник, потупила взгляд вниз, на пыльную землю.

— Да ладно, всё в порядке, — она, не поднимая головы, шаркала массивным мыском ботинка серую почву, — я перегнула палку, знаю.

— Как и всегда, — неожиданно подал голос Ута, — не умеешь держать язык за зубами.

Последние слова он враждебно прорычал, обнажая зубы в оскале, повернулся к Налуверте. Она тут же вострепелась в преддверии очередного обмена любезностями.

Аникарса вдруг неожиданно для себя уловила, как стремительно тучи затянула дымка тьмы, словно предвещающая что-то нехорошее. Ивловые сосны жалобно застонали от резкого холодного порыва ветра, что шёл со стороны Могильного леса.

Жители равнины, похоже, ничего не заметили, и как ни в чём не бывало занимались своими повседневными делами. Кто-то пытался разрезать толстую кожу Кротоплесня, уже прилично поджарившуюся на огне; работяги латали прохудившиеся крыжи хижин, малолетние плоднородовцы бежали вокруг Кострища, попутно смеясь и роняя посудины и чаши.

— Ута, — Аника подошла к охотникам, с опаской озираясь, — Налу, вы это чувствуете?

Налу напряглась, оборвавшись на полуслове, охотник же обратил своё внимание на обеспокоенную девушку.

И она бы наверняка объяснила «это» самое, если бы сама знала как описать весь тот взрыв эмоций и предчаяния, бушующий где-то в душе. Ута нахмурился, посмотрел на Ани, и тут же его брови взлетели вверх, он даже чуть отступил от охотницы, ведь никогда не видел её такой... Оробелой, нервно дёрганной, но в тоже время предвкушающей что-то ещё непонятное даже ей самой.

Налуве заметила переменившееся лицо Уты: удивительно вскинутые брови вверх, глаза тревожно распахнулись в необъяснимом страхе.

— Ани? — тихо прошептал охотник, — что ты чувствуешь?

Девушка резко отошла, покидая навес из старой туши монстра, огляделась. Она почуяла: стало холоднее, природа отдалилась и замкнувшись, стихла.

Аникарса повернулась к Утатитошу и Налуве, её взгляд наполнился сожалением и, будто бы попыткой попросить прощения за что-то, чего ещё не произошло.

— Готовьте оружие! Сейчас же! — успела она крикнуть, как её сбила с ног огромная тёмная тва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.